

ЛОЖНЫЙ ВЫЗОВ

В ОБШИРНОЙ почте ЦК КПСС оказалось и это письмо — от Петра Гавриловича Баглая, члена парткомиссии при парткоме Оскольского электрометаллургического комбината. Добрый десяток страниц убористой рукописного текста. Строка ложится к строке весомо, размеренно, как кирпичи в стену здания из рук строителя: факт к факту, факт к факту. И все — о директоре предприятия. Завершая его негативный «портрет», автор письма делает вывод: «Таким образом, Угаров опровергает решения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК, XXVII съезда... Вот по таким действиям люди и судят отрицательно в целом о перестройке, о работе по-новому. Самое страшное, что из-за такого, как Угаров, основная масса коллектива не верит в справедливость, в перемены...»

Секретарь Центрального Комитета партии дал указание проверить это письмо с выездом на место. Отложила важные дела, два ответственных работника ЦК отправились в Старый Оскол. Здесь к ним присоединились четыре члена бюро Белгородского обкома КПСС (в их числе второй секретарь В. Ильин), четыре члена бюро горкома (во главе с первым секретарем И. Жихаревым) и работники парткома (он на комбинате действует на правах райкома). Стремись обеспечить полную объективность, комиссия сочла необходимым продублировать проверку одним и тем же фактом, указанным в письме. Причем состав проверяющих каждый раз полностью обновлялся.

Целую неделю работала комиссия. Скрупулезно изучала документы, встретила с сотнями коммунистов и беспартийных, руководителями и рабочими (разумеется, многие из них тоже вынуждены были отложить свои дела). Наконец, сопоставив выводы всех групп проверяющих, члены комиссии, как говорится, сошлись во мнениях и решили сообщить о нем на расширенном заседании парткома комбината. Присутствовал здесь и П. Баглая.

Его письмо начинается с такого обвинения в адрес директора: «С мнением парткома не считается. Секретаря поднимал, поставил его на во что. Как-никак за Угарова «авторитеты»: друг — министр, да и в горкоме, в обкоме он видная личность». Что же выяснилось? Авторитет партийного секретаря подорвать было невозможно, ибо авторитета попросту не было. Красноречивый факт. Нахануне прошлых выборов кандидатуру В. Казарникова в депутаты горсовета «зарубили» сначала в одном цехе комбината. Секре-

тарь увидел в этом что-то колкое и пошел в другой цех, стал просить оказать ему доверие. Но и тут дали от ворот поворот. После этого, естественно, подал заявление об отставке.

Обвинение второе: «Угаров по заступничеству на должности директора занялся обвинением старых кадров, а на их место стал выдвигать угольников, подхалимов и грубиянов, подобиных себе. На руководящие посты были приглашены из Липецка, где раньше работал Угаров, и Череповца лица, которые не обладают нужными деловыми качествами». Так в письме. А что в жизни?

Оскольский комбинат — первенец отечественной электрометаллургии. Его давно ждали, но рождение гиганта растянулось на долгие десять лет. Между тем штат был укомплектован. Увы, зачастую людьми, далекими от металлургии. Это беда предприятия: возведено посреди черной земли степи, и, естественно, в рабочие подалась крестьяне ближних и дальних деревень...

А пошла сталь — пошел и отсев кадров руководителей, случайно зачисленных в металлургии. Этот процесс усилился с приходом (два года назад) на пост директора А. Угарова, опытного сталелитейщика. Принят комбинат-первенец, который никак не встанет на ноги, повинуя: надо знать профессионалов, а уж волею их, у них под рукой со временем из вечерних нахарей сформируется рабочий сталелитейщик.

ИЗ СПРАВКИ КОМИССИИ: «Утверждение автора письма, что Угаров устраняет голые старые кадры, приглашая на руководящие посты угольников и подхалимов, не соответствует действительности. За время его работы директором приглашены 416 человек, в том числе с Новолипецкого металлургического комбината всего лишь шесть человек».

Приходится слышать проинформирование над правилом «лично известен». Пугают его с протекционизмом, кумовством и т. д. А ведь это — совсем другого поля ягоды. Угарову удалось привлечь с прежнего своего места работы шестерых, тех, кого хорошо знал, на чью помощь рассчитывал. Уговаривал, убеждал, умолял и других. Но услишал отказ. Каждый раз с пониманием воспринимал его: человек живет в Липецке — областном центре, есть квартира, гараж, дача, дети учатся в институте. А тут переезд в молодой город, где все надо начинать сначала.

Впрочем, доволен директор и малым: вокруг приезжих уже образовался дружный «подруст», под стать учителям. Делу, как видим, поль-

за. Ал нет, и это ставят директору, что называется, в строку.

Но мысли автора письма, свои, местные кадры, пусть и не владеющие азбукой металлургии, — лучше приезжих. «На должность главного инженера был приглашен из Череповца Смурзин (он сейчас покойник, но написте о нем надо)». «Варяга» П. Баглая рисует сплошь черными красками: и специалист никудышный, и нечистоплотен. Заключение комиссии: «В. Смурзин был направлен на комбинат Минтерметом. Со своими обязанностями справлялся, пользовался уважением и коллективом».

«Необоснованным является утверждение автора письма о том, что руководители комбината не принимают мер по снижению потерь от брака, любые умышленно занижают эти цифры», — говорится далее в справке комиссии. Не стану приводить ее полностью: слишком многочисленны обвинения выдвинуты П. Баглаем. Почти все они при первом же сопоставлении с жизнью лопаются будто мыльные пузыри. Портрет директора, нарисованный Петром Гавриловичем, вывалился, далеко от оригинала.

Автор письма выразил А. Угарову полное недоверие. А вот как рабочие охарактеризовали членам комиссии своего руководителя: «Сутками на комбинате. И тогда только спит». «На износ работает». «Вытужил электрометаллургический «в люди». «Доступен, прост. Искренен». «Выдает резюмэ, излишне эмоционален». «Люто ненавидит беспорядки». За нарушение исполнительской дисциплины карает жестоко, даже сурово, потому и утверждается у нас мало-помалу порядок». «В первом квартале впервые выполнен план, и комбинату присуждено звание министерства и ЦК профсоюза».

ЕДУ К БАГЛАЮ на дачу и пытаюсь представить себе встречу с ним. Был я уверен: начнет Петр Гаврилович влиять себя, что доверился непорядочным людям и невольно обжег вымыслом честного, трудолюбивого человека. Мне рассказывали, что сразу после расширенного заседания парткома автор письма подошел к директору. Многие решили — попросил прощения за поклёп, возведенную за глаза напрасляню. А при встрече вышло все иначе.

— Выдумка накажу: «Не идите против начальства — правды не добьетесь!» Все, о чем я писал, перевернули. Да, работники ЦК мне понравились. Хорошие люди. Но их тут обкрутили. Поэтому собираюсь писать Генеральному секретарю Центрального Комитета партии, — говорит мой собеседник.

Дождь вдруг обрушился на крышу дачи. Эта назойливая дробь лишь на мгновение отвлекла П. Баглая от основного камина разговора.

— Так вот, Смурзин...

И из уст собеседника потопком сыплются обвинения. Не так, по Баглаю, тот жил. Напоминаю, что человека нет уже на белом свете, значит, не сможет сказать в свое оправдание и слова одного. Нет — прекратилось злоречие!

Скиная себя на работе, бывший главный инженер, чтобы поддержать здоровье, половину пути на службу (а это более 10 километров) ежедневно бежал трусдой. А на полутьги его обычно ждала машина.

— Да прикритым был для него бег трусдой. Вы вместе...

— Вам это достоверно известно?

— А — следствие не всла! Может, и бабы то сплетни, но ведь говорят, а дыма без огня, известно, не бывает.

И Баглая начинает слово в слово повторять свое письмо: — Лысов на трех человек получил четырехкомнатную квартиру здесь и к тому же оставил за собой апартаменты в Череповце.

— Это чистая правда?

— Чего не знаю, того не знаю! Мне добрые люди рассказали, и все тут. Я им верю.

Петр Гаврилович не гробует этим «фактом» даже теперь, когда комиссия определила, что он, мягко говоря, не соответствует действительности.

Слушало собеседника, размашисто чернящего всех и вся, причем под знаменем перестройки, и вспоминаю его анкетные данные. В партии — 40 лет. Приехал в Старый Оскол из Красноярска. Минтермет направил его сюда начальником отдела надвор будущего электрометаллургического комбината. Многих принимал, отбирал, направлял на работу именно он. Вплоть до 1979 года.

Уйдя на заслуженный отдых, Петр Гаврилович «переключился» на строительство своей дачи, потом — дачи сына. Наверное, он отдал бы остатки сил тем дачам, но тут комбинат начал давать металл. А помните, пошла сталь — пошел и отсев кадров руководителей, случайно зачисленных в металлургию. И те, кому наконец пришлось уступить престижное, высокооплачиваемое место профессионалам, крепко обиделись на директора.

Обида та застила юм глаза, не позволила увидеть, как с приходом истинных металлургов круто менялись дела на производстве. Застыла, жгла душу, заставляла идти на сделку с совестью, чтоб оправдать себя и опорочить, оклеветать А. Угарова. Ну а кому же, как не человеку, принимавшему тебя на работу, поплакаться в жилетку?

Наслушавшись недовольных, полностью доверившись им, Петр Гаврилович поднялся на трибуну сперва собравля коммунистов заводоуправления,

Череповец

ЛОЖНЫЙ ВЫЗОВ

где состоит на учете, а затем и собрания партактива комбината с резкой критикой в адрес руководителя.

— Мне амлорировали, когда я чесал их! — восторгается он. Чесал, оперируя чаще всего не фактами, а слухами, домыслами.

Телефонных звонков, встреч на даче прибавилось. Пенсионер Петр Гаврилович, имея типифицированное представление о гласности, почувствовал себя таким обличителем, непререкаемым судьей, изрекающим истину в последней инстанции. И под флагом перестройки ринулся в бой...

Работники столичных учреждений, редакций газет и журналов знают, почти за последние годы стремительно возросла. Вот почти «Правды». Да, прибавилось писем искренних, умных, затрагивающих самые острые «нервы» нашей жизни. Полосы, подборки писем «Раздумья о самом насущном» — тому убедительное подтверждение. Однако на волне гласности поднялась немало и грязной пены. Клевветы и склоки, вымысел и доносы, групповщина, сведение личных счетов, наклеивание ярлыков — такова «природа» этих жалоб.

Не все с этим ладно, к слову сказать, и у отдельных журналистов. Стоило, например, в «Правде» похитовать роман известного писателя, как в № 9 «Молодой гвардии» за 1987 год В. Кариец обвинил автора газетной статьи ли много ни мало как во... «фрейдитизме». О фрейдизме мы кое-что знаем, а «фрейдитина» пусть остается на совести автора и

журнала.

Еще пример: «Огонек», № 40 за этот год напечатал пространныю статью В. Лейбовского. Из нее следует, что «Правда», опубликовав материал Г. Воропаева, выступила вроде бы сторонницей поворота северных рек на юг, в Каспий.

Посмотри, читатель, номер «Правды» за 12 февраля 1986 года. Это был самый канун XXVII съезда партии. Велась живая, порой жесткая дискуссия по насущным, и не в последнюю очередь экологическим проблемам. В постоянной рубрике газеты «На перекрестке мнений» напечатана была эта самая статья Г. Воропаева («Дыхание Каспия»). Но ниже, на той же полосе, дана другая статья: «Земля — главное богатство», которая начисто опровергает первую. Ее авторы — академики А. Аганбегян, А. Яшин, члены корреспондентки АН СССР Г. Голицына, Г. Эвсев и академик ВАСХНИЛ В. Тихонов — прямо пишут о том, что касается пункта «о необходимости развернуть работы, связанные с переброской части стока северных рек, то этот пункт из проекта Основных направлений, думается, следует исключить».

И этот пункт, как известно, был исключен из Основных направлений. Вот бы журналисту из «Огонька» хоть бы абзацем обмолвиться об этом.

Отвлечся от темы своих замечок? Если и отвлечся, то, полагаю, неслучайно. Ведь и нам, журналистам да литераторам, не пристало атмосферу гласности использовать для

протаскивания сомнительных идей, субъективных измышлений. Вот потому и хотелось бы еще раз сказать, что в ведении дискуссии нужна элементарная культура.

...Житель Одессы атакует «Правду» уже два года. «Вопреки строкам» своих писем представляется — так: «Слушил полицаем у немцев». А: далее вскрывает недостатки в работе председателя колхоза, находящегося за тридевять земель. «Люди мне пишут, и я им вору. Я буду бороться за справедливость до конца жизни». Рыцарем правды и справедливости найдет прослыть также автор другого письма, тридцатого по счету. Обличает начальство... по слухам. Третий «стран порядков», распалил собственное воображение, не сдерживает намерений — расправиться с ближними. Сигнализирует в Москву: руководитель, говорят, симпатизирует Н.

«Услышите же мой сигнал бедствия!» — призывает департамент. И спешат на помощь сотрудники ЦК, корреспонденты. А вызов оказывается ложным. Склонный, бесчестный человек воспользовался правом послать тот сигнал. Врет и сам верит собственному вымыслу!

И, между прочим, с него все как с гуся вода. Еще не уехали проверяющие, а он уже снова строчит клевету: «Мне кажется, что они...»

Человек берет за перо... Он должен отвечать за каждое свое слово. К этому обязывают совесть, простая порядочность и закон. А он гласит: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо измышлений, наказывается лишением свободы на срок до одного года...» Но вот не могу привести ни одного примера, когда бы автор ложных писем был привлечен к суду. Силошь и рядом преступления такого рода остаются безнаказанными. И зло плодится, множится.

Доводилось не раз слышать утверждения иных жалобщиков:

— Мое дело сигнализировать, а уж вы разбирайтесь, где правда или полуправда, а где только пять процентов правды.

Клеветник снокоен, расхристан и нагл, ибо знает: ему ничто не грозит. Даже к партийной ответственности авторов писем-наветов не привлекают. Дескать, коммунист вскрывает недостатки... А ведь сколько сил и нервов, времени тратится на проверку вымыслов.

Демократизация, гласность — не вседозволенность, не всепрощенчество. А их, увя, многие понимают именно так и с легкостью несоблюденной (бумага, мол, все стерпит), выносят приговоры. Разумеется, прежде всего руководителям — тем из них, кто требовался и тверд.

Размышляли об этом и члены парткома Оскольского электрометаллургического комбината, когда обуждалось письмом П. Баглая. Например, В. Авошкин сказал:

— Очень тяжело пережить неправду тому, на кого пишут. Ложь, что ржа: тлит душу. А вот те, кто пишет, — им ничего. И слова упрека никто не осмелится вымолвить. Иначе прослынешь зажимщиком критики, противником гласности.

Неделю, пока работала комиссия, комбинат бурлил. Одни негодовали наветчиком, другие — отсылавшись, когда вопля сталь, — предакушали отищение директору.

— Делу, производству такая атмосфера крепко воардила, — говорит первый секретарь Староскольского горкома партии И. Жихарев.

А ведь коммунист П. Баглая, отправляя письмо в Москву, жаждал, по его словам, принести пользу делу коммунизма...

Ю. МАХРИН.

(Спец. корр. «Правды».)

Старый Оскол—Москва.